

Об этой книге

22 июня поэт Александр Твардовский в своем дневнике сделал самую короткую запись: «Война с Германией. Еду в Москву». Этот день, изменивший его жизнь и судьбу, он с той поры будет вспоминать каждый год, соответственно отмечая в дневниках на протяжении 40-х, 50-х, 60-х годов. Отец был убежден в том, что среди его современников «нет человека, который не помнил бы до мельчайших подробностей день 22 июня 1941 года. Все обрело ценность, внезапность утраченного счастья, запомнилось навсегда...». В стихотворении «22 июня 1941 г.» спустя пять лет после войны поэт вспоминает этот день на рубеже войны и мира во всех его «бесценных подробностях»: «И нам в огне страды убойной // От горькой памяти о нем // Четыре года было больно...»

Война застала нашу семью на даче под Звенигородом, в деревне Грязи. Здесь у брата С.Я. Маршак — детского писателя М.Я. Ильина — был снят дом на все лето. 21 июня был день рождения Александра Трифоновича, ему исполнился 31 год. Дату скромно отметили в семейном кругу: папа, мама и дочери, младшей из которых было пять месяцев, старшей — девять лет. Стол украшали цветы: накануне мы с мамой нарвали большой букет ромашек и любимых отцом крупных, сиреневых — лесных — колокольчиков. Когда пару дней спустя покидали дачу,

уезжая в Москву, букет в глиняном горлаче, еще совсем свежий, так и остался в опустевшем доме...

А 22 июня отец, как обычно, с раннего утра сидел за своим рабочим столом: планы на лето у него были большие. Нормальное течение дачной жизни семьи нарушила я, прибежав с деревенской улицы с известием о начале войны с Германией. Грозного смысла этого известия я поначалу не уразумела, просто хотела поделиться с родителями новостью. Я и сейчас помню, как они дружно сопротивлялись этой вести, как убеждали меня (и себя!), что я про войну не так расслышала, ошиблась... Обо всем этом можно прочитать в воспоминаниях Твардовского «Память первого дня» — в его книге «Родина и чужбина». Этот первый день войны в деревне Грязи, увиденный глазами поэта, запечатлен как некий кинокадр, снятый замедленной съемкой, в стихотворении «Сидели мужики...», оставшемся в записях 1942 года.

Тогда же, 22 июня, отец уехал в Москву, а днями позже вслед за ним и мы — прощаться: 23 июня Твардовский уже получил назначение на Юго-Западный фронт. Никто не предполагал тогда, что его фронтовая жизнь будет столь долгой: Александр Трифонович отбыл к месту назначения 25 июня, демобилизовался — в октябре 1945 года. В стихотворении, написанном перед концом войны и ввиду близкой победы, казалось бы, необъяснимо грустным, он скажет: «где-то вдали // Жены без нас постарели, // Дети без нас подросли...» Употребление местоимения первого лица множественного числа тут не художественный прием, а вполне естественно и правомерно: здесь, как и во многом другом, поэт не отделял себя от своего фронтового поколения.

Юго-Западный фронт, где Александр Твардовский, прикомандированный к фронтовой газете «Красная

Армия», провел первый год войны, был тогда ее тяжелейшим участком. Истекая кровью, наша армия здесь непрерывно отступала. Как скажет потом отец — «силы были трагически неравными». Вместе с войсками покидала захваченные немцами города редакция «Красной Армии». Из оставленного с огромными потерями Киева она в середине сентября переместилась в Харьков, который в конце октября тоже был сдан. До начала ноября редакционный поезд стоял на запасном пути в Валуйках (в ту пору городок в Курской области), где находился командный пункт штаба Юго-Западного фронта, затем передвинулся в Воронеж — здесь отец встретил новый, 1942 год.

Твардовский болезненно остро воспринимал это отступление войск с запада на восток, когда позади оставался «пленный край земли родной, // Онемевший, бессловесный, // Кровный, русский да чужой...» Эти строки написаны им позднее: в 1941 году он не позволял себе погружаться в переживания по поводу свершавшегося вокруг, говорить в полный голос о страданиях и понесенных потерях, с которыми столкнулся, — надо было сохранять твердость духа. Записи 1941 года оказались утраченными, но они вряд ли в тех условиях могли быть сколь-нибудь систематическими и обстоятельными: многое из увиденного он просто не в состоянии был заносить в дневник. Предельно сдержан Александр Трифонович в письмах к жене, стремясь уберечь ее от тяжелых впечатлений. О том, что он пережил в те первые военные месяцы, о силе этих переживаний Мария Илларионовна могла догадываться, зная его сердце, с особой чуткостью и остротой откликавшееся на любую беду. Позднее он устами своего героя скажет, что «видал такую муку // И такую знал печаль...», и признание это относится прежде всего к 1941 году.

После трех лет войны, когда перелом в ней был очевиден и победа стала казаться близкой, отец признался, как «страшно было смотреть на карту Родины в тот год ожесточенной неравной битвы нашей Армии с ордами противника» — как будто «черная лава катилась по русской земле с запада на восток, выдаваясь причудливыми и зловещими выступами». Только в дни наступления он разрешил себе обратиться к тому, что происходило в 1941 году. «То была печаль большая, // Как брели мы на восток. // Шли худые, шли босые // В неизвестные края. // Что там, где она, Россия, // По какой рубеж своя!» А тогда, в первый военный год, от событий вокруг, от сводок Информбюро, от долгого отсутствия писем от жены, находившейся в эвакуации в далеком от фронта Чистополе на Каме, можно было впасть в отчаяние. Твардовского спасала присущая ему ответственность за свое дело, за свою семью и твердость его характера.

В январе 1942 года, воспользовавшись командировкой в Москву, отец вырвался к нам в Чистополь. Каждый из трех дней его побывки сохранился в памяти. Как-то, когда, наконец, остались семьей — без посторонних, он читал вслух Лермонтова. Помню, как мы слушали про Валерик («Я к Вам пишу, случайно, право...»). Сейчас кажется, что и том Лермонтова, купленный мамой там же, в эвакуации, он взял, чтобы прочесть только это стихотворение, написанное сто лет назад, в 1840-м. Он читал о дикой битве русских с чеченцами на реке Валерик (по-чеченски — река Смерти), после которой она вздулась от крови. Теперь думается, что картины этой страшной битвы в войне, вроде бы совсем не похожей на ту, с которой он приехал, могли вызвать в его памяти пережитое: гибель под Киевом отступавших дивизий, выход из окружения под Каневом,

уничтожение Днепровской флотилии и многое, многое из того, что вместилось в эти трагические первые военные месяцы...

Забегая вперед, стоит сказать, что страшные события войны, с которыми он столкнулся в самом ее пекле, не озлобили, не ожесточили отца. Напротив, природная доброта, отзывчивость, черты, которые наша мама считала в нем главными, проявились еще сильнее и ощутимее. Внимательный читатель дневников и писем поэта это почувствует.

«Не поддаваться, не сломаться» помогала уверенность в победе, не покидавшая поэта в самые трудные периоды войны. Спасала и повседневная работа, которую, без преувеличения, можно было бы назвать каторжной, если бы он не вкладывал в нее душу.

Должность «литератора» фронтовой газеты требовала бесперебойно поставлять в очередной ее номер материал, укрепляющий боевой дух, поднимающий настроение, вселяющий ненависть к захватчикам, мобилизующий на отпор врагу. Твардовский истово и ревностно выполнял свою воинскую обязанность, всеми силами стремясь быть полезным армии.

С первых чисел июля 41-го почти в каждом номере «Красной Армии» появлялись его стихи, очерки, статьи, заметки, фельетоны. Писал он и лозунги, и листовки, и песни. Единственный раз Александр Трифонович не выполнил боевое задание — самое первое из порученных ему: не смог ничего написать о Днепровской флотилии. Разгром ее потряс отца. Со временем он научился «властвовать собой», справляясь с подобными потрясениями, но тогда, в конце июня 1941 года, став свидетелем гибели советских матросов, оказавшихся беззащитными под огнем немецких орудий, он не мог выжать из себя ни строчки. Отзвук этого события сказался

позднее в главе «Переправа» поэмы «Василий Теркин»: «И увиделось впервые, // Не забудется оно: // Люди теплые, живые // Шли на дно, на дно, на дно...»

В тот раз Твардовский получил выговор от редактора. Редакторы «Красной Армии» были людьми от литературы далекими, но хорошо знавшими, чем должна быть заполнена фронтовая газета, что здесь нужно, а что может вызвать неодобрение вышестоящего начальства. Исходя из собственных критериев и инструкций, получаемых от Главного политического управления армии (в ту пору — ПУРККА), они на свой лад кромсали написанное поэтом, порой выбрасывая из очередного очерка особо ценные для автора наблюдения и мысли, из стихов — особо дорогие строки. Бывало и так, что материал, добыть который для газеты отец считал своей удачей, редактор вообще отказывался публиковать. Как будет видно из книги, отношения писателя Твардовского с редакторами «Красной Армии» не сложились, возникали даже конфликтные ситуации.

С июня 1942 года Александр Трифонович был прикомандирован к газете Западного (с апреля 1944 года — 3-го Белорусского) фронта «Красноармейская правда», где и пребывал до конца войны. И тут с редактором взаимопонимания не находилось. По дневниковым записям и письмам отца можно судить об этих трудностях, но не они были главными в его фронтовой жизни.

Обязанность писать в каждый номер при собственном Твардовскому строгом отношении к своей работе истощала воображение, снижала требовательность к написанному. Поначалу он и сам стремился к тому, чтобы успеть доставить в номер свежий материал, но постепенно стал осознавать губительные последствия этой гонки. Оглядываясь на свою работу,

он в письмах к жене признавался, что боится утратить «контроль к самому себе, к слову, который вырабатывался годами», ощущает угрозу «исписаться». От него в приказном порядке требовалось писать как можно больше, а вопрос о качестве не только не ставился, но «напоминать о нем уже было некоторым эстетствующим вольнодумством». Поэту вообще было трудно сочинять на заданную тему и по указаниям, как именно она должна быть решена, но военная дисциплина обязывала не оспаривать приказы начальства.

Все это порождало неудовлетворенность работой в газете, ставшую для него мучительной уже к концу 1941 года. Все настойчивей посещала мысль, что он не на своем месте, что с большей пользой мог бы служить Родине с оружием в руках, «в полку, батальоне, роте».

Между тем поэта Твардовского на Юго-Западном фронте заметили, выделили и, как ему казалось по письмам бойцов и встречам с ними на передовой, ждали его новых стихов. Хотелось не обмануть этих ожиданий. У него уже за первый год войны накопился богатый запас наблюдений и впечатлений, заслуживающих серьезного разговора о тех, «кто воюет на войне». Настойчивые поиски своего места на фронте — такого, где его работа могла бы приносить действительную, результативную пользу, привели его к выводу о необходимости писать по-другому, чем от него требовали. «Война всерьез, и поэзия должна быть всерьез», — делится он своими мыслями с женой в апреле 1942 года, решив идти «против течения». Это и заставило вернуться к начатой весной 1941 года по впечатлениям финской войны поэме «Василий Теркин», чтобы использовать и ее замысел, и некоторые авторские находки в новых условиях для нового произведения.

Финская война была для поэта первой войной, в которой он участвовал (не считая кратковременных походов в Западную Украину и Западную Белоруссию). Обо всем увиденном на ней, о людях, которых здесь повстречал, ставших ему дорогими, он и хотел рассказать в задуманной поэме. Главным героем поэмы должен был стать русский солдат, воевавший на Карельском перешейке, — Василий Теркин. Автор воспользовался именем героя коллективного фельетона газеты Ленинградского фронта «На страже Родины» Васи Теркина, в создании которого принимал участие.

Весть о войне 22 июня 1941 года застала отца как раз в работе над этой поэмой, несколько глав которой уже было написано. Но работа шла туго. В ней, по его выражению, не было «электричества», то есть того озарения и вдохновения, когда стих идет за мыслью легко и свободно. Финская война, о которой он писал, не стала его личным переживанием, личной болью. И герой ее оставался несколько абстрактным, литературным, не становясь для автора (а значит, и для читателя) живым и родным. С самого начала новой войны поэт понял, что она совсем иная: не только по своим масштабам — по своей природе. «Глубина всенародно-исторического бедствия и всенародно-исторического подвига в Отечественной войне с первого дня отличила ее от каких бы то ни было иных войн и тем более военных кампаний», — скажет Твардовский позднее. И не случайно именно на этой войне, совсем иной, чем финская, родились самые пронзительные стихи о безвестном парнишке, убитом на финском льду («Две строчки», 1943 г.).

Обратившись к прерванной 22 июня 1941 года работе весной 1942-го, поэт чувствовал, что сможет

написать о российском солдате по-новому, «в 100 раз лучше». Дело было, по-видимому, не только в накоплении военного опыта, впечатлений и размышлений. В экстремальных ситуациях труднейшего 1941 года, в его отступлениях и поражениях, с особой яркостью и силой раскрывались характеры, обозначались солдатские судьбы. Представления поэта о войне, о тех, кто принял на себя ее тяжесть, становятся глубже и сложнее. Военные события переживаются как события собственной жизни. В их осмыслении общее уже неразрывно сливается с личным, биографическим. Все это в значительной мере явилось прямым результатом работы фронтового корреспондента.

По внешним показателям результат этот в конечном счете невелик. Из многих десятков стихотворений, напечатанных в «Красной Армии» и «Красноармейской правде», в собрание сочинений поэт включил менее трети, а очерки 1941 года вообще не перепечатывал. Но без всей этой «продукции» периода Отечественной войны поэма «Василий Теркин» вряд ли состоялась бы в том виде, в каком вошла в литературу.

Примечательна сама тематика очерков Твардовского: они, как правило, посвящены не столько боевым эпизодам, сколько людям, в них участвовавшим. Автор пристально вглядывается в мир солдата — «внутренний и окольный», стремясь рассказать не только о том, как он воюет, но и что он при этом думает о самой войне, о жизни. Очерки Твардовского 1941 года о сержанте Иване Акимове, боцмане Щербине, комбате Петре Мозговом, летчике Герое Советского Союза Петре Петрове, рядовом Саиде Ибрагимове, майоре Василии Архипове, капитане Тарасове, командире батареи Рагозяне, сержанте Павле Задорожном,

рядовых Николае Буслове, Владимире Соломасове и других так и остались на страницах «Красной Армии». Но в них, как и в стихах о танковом экипаже братьев Пухолевичей, о сержанте Василии Мысенкове, уже запечатлены многие из тех черт и черточек российского «труженика-солдата», которые будут сконцентрированы в образе Теркина — собирательном в самом прямом и точном смысле этого слова. Жизнелюбие, природный оптимизм, смекалка, готовность прийти на выручку, органическая храбрость, спасительное чувство юмора — эти и другие черты, взятые из «живой жизни», подмеченные у реальных, конкретных людей, получили художественное осмысление в поэме, герою которой автор отдал многое и из собственных размышлений и чувств. С этой точки зрения работа военного корреспондента Твардовского на Юго-Западном фронте по-своему оказалась подготовительной к созданию поэмы «Василий Теркин», а период службы на Западном (3-м Белорусском) обеспечивал конкретным материалом при написании разных по тематике глав, создававшихся в самой гуще военных событий. Автор «Книги про бойца», обращенной к тем, «кто воюет на войне», должен был знать войну «изнутри».

В августе — сентябре 1942 года в газете Западного фронта «Красноармейская правда» стали печататься главы поэмы «Василий Теркин», позднее отнесенной критиками к лирико-эпическому жанру. Наверное, в истории печати жанр этот впервые был представлен в разгар войны во фронтовой малоформатной газете. Листая сейчас подшивки «Красноармейской правды» (они хранятся в Военном отделе РГБ, бывшей Ленинке), нельзя не почувствовать некоторую обособленность поэмы от основного содержания газеты.

Бойцы Западного фронта «Красноармейскую правду» ценили — она была для них важнейшим источником информации о происходящем не только на своем, но и на других фронтах Отечественной войны. Они охотно сотрудничали с газетой, посылая в редакцию письма, в которых рассказывали о своих товарищах, о боевых эпизодах и фронтовых буднях.

В газете сообщалось немало полезных сведений: как подшить валенки, как правильно поставить палатку, наладить работу походной кухни и т.д.

Но, как и все фронтовые газеты, она ориентировалась на центральную, партийную прессу, заимствуя из нее установки, лозунги, темы передовиц и текущих материалов, а многое и перепечатывая. Со страниц фронтовой печати не сходило имя Сталина, с упоминания которого начинались и заканчивались передовые, как это было в «Правде» или «Известиях». «Мы победим потому, что нашей борьбой руководит великий продолжатель дела Ленина — товарищ Сталин», — повторялось здесь из номера в номер. В разнообразных материалах газеты варьировался призыв сплотиться вокруг вождя, который приведет народ к победе. Едва ли не больше внимания, чем событиям на фронте, «Красноармейская правда» уделяла информации о политработе в войсках, о собраниях партактивов в частях, об изучении на переднем крае приказов Главнокомандующего.

В главах «Василия Теркина», печатавшихся рядом с этими материалами, нет упоминаний ни о Сталине, ни о партии. А «политбеседа», которую герой поэмы ведет на тех же страницах, исчерпывается лозунгом «Не унывай!». Между тем Твардовский, вступивший в партию на фронте в дни финской войны, Сталина в ту пору почитал. Понимал, что орден Ленина, данный ему вождем (в 1939 г.), прервал трав-